

*ПАВЛУШКОВ Александр Рудольфович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России. Автор более 140 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459>

ЦЕРКОВНЫЙ ИНТЕРДИКТ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА (XII–XV века)

Статья является продолжением научного исследования, посвященного изучению различных сторон церковного интердикта. Если ранее автор рассматривал генезис данного института в истории католической церкви, то настоящая работа строится на материале отечественных практик церковного наказания. Предметом исследования выступает попытка внедрения церковного интердикта в отечественную практику наказания в период собирания земель и складывания централизованного государства, когда отлучению от церкви подвергались не конкретные люди, а жители целых регионов. Интерес к исследованию подогрет нетипичным характером применения интердикта в отечественной истории: наказанию подвергалось население больших территорий в обезличенной форме. Анализ выявленных фактов говорит о том, что по ряду причин институциональные черты церковного интердикта в российском варианте не сформировались. Он использовался как форма церковного наказания, как средство политического давления, а также в карательных целях. Сложность оценок церковного интердикта заключается в пересечении карательных, политических и церковных элементов. В статье предпринимается попытка соотнести данные элементы и описать церковный интердикт на разных этапах развития русского государства, а также объяснить причины его использования. Автор приходит к выводу, что церковный интердикт во многих случаях представлял искаженный вариант понимания канонических норм архиереями, что в итоге предопределило его дальнейшую деградацию. В работе объясняется внутреннее противоречие в толковании содержания понятия «интердикт» и дается обоснование греческой линии его происхождения. Интердикт рассматривается как социально-правовой и политический инструмент, выполнявший различные задачи церковной и княжеской власти.

Ключевые слова: церковный интердикт, Русская православная церковь, церковное наказание, государственно-церковные отношения, формирование русской государственности.

*Адрес: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2а; e-mail: apavlushkov@yandex.ru

Для цитирования: Павлушков А.Р. Церковный интердикт в политической реальности Русского государства (XII–XV века) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 6. С. 34–41. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.34

Обращение к истокам формирования государственно-церковных отношений, проекцией которых был церковный интердикт, представляет научно-теоретический интерес, связанный с осмыслением важнейших процессов развития государственности. Цель настоящей работы – выявить социально-правовые и политические возможности интердикта на основе сложившейся практики его применения в XII–XV веках.

Уже на заре формирования государственных основ церковь начинает активно вмешиваться в политические процессы. К этому ее подталкивали два обстоятельства. С одной стороны, усиливался политико-правовой статус церкви, ее власть устанавливалась над всем христианским населением [1, с. 256]. С другой стороны, киевская митрополия политически была слаба. Она искала поддержки у наиболее влиятельных князей, взамен легитимируя княжескую власть, требуя от населения послушания. Кроме того, удаленность территорий длительное время не позволяла создать единую церковь с общим административным управлением. Население предпринимало попытки самостоятельно избирать священников, изгоняло неугодных представителей духовенства. В каждом княжестве складывался собственный (автономный) союз между князем и духовенством, что в итоге приводило к политическому соперничеству территорий [2, с. 436–437]. Желание создать единую церковь заставляло ее элиту активно искать поддержку у наиболее сильных удельных правителей. Показательно, что для воплощения этих целей церковь использовала собственные карательные средства.

Примером такого вынужденного сближения церкви с государством является использование интердикта как специфической формы церковного наказания. Принципиальным отличием интердикта было то, что он имел обезличенный характер. Наказанию подвергалось население конкретной территории, на которой запрещались все богослужения, регистрация важных событий (рождение, смерть, венчание). Как следствие – наступал социальный паралич,

влекущий, в свою очередь, рост недовольства населения. Именно это обстоятельство заставляло территории идти на уступки церкви, что с выгодой для себя использовала великокняжеская власть. Интердиктное производство первоначально сложилось в Древнем Риме, а затем было приспособлено для обслуживания интересов западной христианской церкви [3, с. 48, 49]. Она широко использовала интердикт для решения территориальных, административных споров. В западной христианской церкви постепенно сложились институциональные черты интердикта: он оформился в комплекс различных церковных запретов [4]. В современной католической церкви интердикт по-прежнему сохраняет свое значение [5, с. 490–491].

Интердикт был предметом изучения прежде всего правоведов и западных канонистов, не случайно отечественный вариант интердикта виделся как привитие латинской канонической традиции, которая лучше усваивалась на западных территориях страны [6, с. 41]. Эти территории имели больше контактов с западным христианским миром и пытались решить проблемы укрепления власти уже проверенными средствами. Постепенно сложилось и значение интердикта как особой формы наказания, действие и границы которой шире, чем судебные решения мирских властей [7, с. 43].

Среди зарубежных трудов заслуживает внимания исследование Эдварда Бенджамина [8]. Сам автор, подчеркивая крайнюю ограниченность источников, называл свою работу «историческим эссе о знании запретов». По мнению Э. Бенджамина, своим появлением интердикт обязан быстрому распространению христианства, что одновременно вело к росту дисциплинарных полномочий западной церкви. Замещение западной церковью римских терминов было скорее вынужденной, хотя и необходимой мерой, поскольку позволяло заполнить лакуны в социальном управлении христианским обществом. Так интердикт получил второе дыхание, но в совершенно новой (церковной) интерпретации.

Отечественная историография располагает ограниченным набором исследований, в которых освещается точечная практика использования интердикта в контексте изучения более широких научных проблем. Характерной чертой таких работ является то, что в основном применение интердикта связывается с периодом Древнерусского государства, когда и церковная, и светская власть пытались расширить свое присутствие на местах. Т.Р. Галимов увязывает использование интердикта с необходимостью укрепления княжеского представительства путем предоставления специальных полномочий церкви. Посредством интердикта первосвятители помогали разрешать внутривластные конфликты [9, с. 107]. П.И. Гайденок рассматривает интердикт под углом оформления властных полномочий архиереев [6, с. 42]. Р.А. Соколов на основе анализа взаимоотношений светской и духовной власти делает вывод, что эффект от применения интердикта был выгоден в основном княжеской власти [10, с. 3–5]. В частности, благодаря поддержке церкви князю Д.И. Донскому удалось активизировать соби́рание земель вокруг Москвы. Полностью соглашаясь с мнением автора, добавим лишь, что и церковь была кровно заинтересована в таком объединении.

Применение интердикта в отечественной практике по сравнению с Западом имело нетипичный характер. Достаточно сказать, что в собрании исторических актов, изданных археографической комиссией в XIX веке, мы находим единичные попытки использования церковных санкций, по свойствам напоминающих интердикт. Они представлены в первом томе и хронологически охватывают период рубежа XIV–XV столетий. Вместе с тем в полном собрании русских летописей встречаются факты применения интердикта в более ранний период.

Судя по локации распространения, интердикт пришел в нашу страну из Византии. На это указывают отдельные источники, в которых сохранились предписания о массовом отлучении противников церкви, в частности еретиков (ариян) [11, с. 35, 437]. Заимствование норм

греческой церкви было вполне типичным явлением для Киевской митрополии. Греческое влияние выразилось в том, что интердикт применялся как средство борьбы с внутренними врагами церкви (сектантами, еретиками). Массовый характер наказания позволял считать его крайне эффективным средством.

Греческое влияние имело и негативную сторону. В Византии отлучение употреблялось как средство для вымогательства денег или как средство личного мщения [3, с. 427]. Подобная практика имела место и в древнерусской действительности. Именно так можно трактовать угрозу митрополита Кирилла II наложить интердикт на горожан Новгорода; действительной причиной этого шага было желание выслужиться перед владимирским князем [12, с. 232]. Вместе с тем сводить роль интердикта к злоупотреблениям было бы неправильно. Внедрению искаженной практики способствовали падение нравов и дефицит священнослужителей. Культурная деградация населения, особенно на разоренных землях, приводила к расстройству церковной жизни [13, с. 20, 22].

В Никоновской летописи можно найти пример негативного использования интердикта. Если верить летописцу, то поставленный при поддержке А. Боголюбского митрополит Федор олицетворял собой настоящего злодея. Он мучил и мирян, и духовенство: выжигал глаза, урезал языки, распинал на стене непокорных; наложил интердикт на Владимир, после чего были закрыты все церкви [14, с. 239]. Однако Е. Голубинский ставит под сомнение правдивость информации летописца [3, с. 440]. По его мнению, за строками летописи скрывалась взаимная вражда митрополита киевского и новопоставленного митрополита Федора. Очевидно, что проклятия шли с обеих сторон, но, отражая официальную позицию Киева, летописец дает негативную оценку только действиям Федора. Закрывание храмов на деле было ничем иным, как карательной мерой против сторонников Киева, которых было много во Владимире. При этом надо понимать, что вряд ли Федор без разрешения князя решился бы закрыть все храмы.

Князь же стремился использовать церковь для укрепления политической независимости.

Таким образом, применение интердикта в период формирования Древнерусского государства в основном было подчинено политическим интересам, что отражало преемственность византийской традиции. Частные случаи злоупотребления интердиктом архиереями объяснялись и отсутствием единого правового пространства. Спорные вопросы толкования канонических норм зависели от понимания их непосредственно архиерейскими, что на деле приводило к определенным искажениям установленных церковных правил [12, с. 232].

Однако злоупотребления интердиктом имели и обратную сторону. Неправомерное использование интердикта архиереями способствовало закреплению в общественном сознании идеи божественного возмездия над теми, кто нарушал церковные законы [6, с. 41].

В XIV–XV веках практика интердикта сохранялась. По внешним атрибутам он напоминал анафему, что было справедливо, но только отчасти. В сложившейся отечественной практике наказания интердикт представлял необычное явление, в котором переплетались элементы церковного права и политической традиции. Он назначался от лица церкви за преступления против христианской веры как крайнее средство вразумления отступника [15]. Притом отлучение нередко преследовало политические цели, что, безусловно, подрывало его каноническую основу. Это внутреннее противоречие снимало только понимание единства политической сферы с христианскими ценностями. Преступления против государства и церкви часто отождествлялись.

Глава церкви мог делегировать право применения интердикта епископам на местах. Они, реализуя волю первостоятеля, должны были добиваться территориального единства, используя различные запреты. В частности, в грамоте киевского митрополита Киприяна, адресованной новгородскому архиепископу Иоанну (конец XIV века, точная дата неизвестна), последнему было предоставлено право отлучать от церкви

мирян, которые вмешивались в духовные дела или не подчинялись духовной власти [16, с. 16–17].

Мотивом для назначения церковного интердикта по-прежнему могло быть сопротивление удельных князей верховной княжеской власти. Но политическая сфера не относилась к полномочиям церкви, поэтому использование канонических положений для политического давления можно рассматривать как злоупотребление церковным правом. Церковь вынужденно выступала как активный субъект политики, что не являлось ее предназначением. Следовательно, интердикт (в том виде, в каком он сложился в отечественной правоприменительной практике) представлял собой суррогатную форму наказания, которую церковь применяла в исключительных случаях.

Закономерен вопрос: чему в большей степени соответствовал интердикт по своему значению? Если исходить из целей, то очевиден политический контекст. В посланиях митрополитов предлагалось массово отлучать население от церкви и политические мотивы звучали открытым текстом. Массовому отлучению предавались мятежники [15].

По источникам и содержанию интердикт отвечал требованиям церковного наказания. Решение о его применении опиралось на нормы канонического права; его назначало лицо, наделенное церковно-судебными полномочиями. По своей форме интердикт был близок к общелокальной анафеме, которая назначалась по территориальному принципу. В качестве обвинения выступали преступления против церкви: захват церковного имущества, распространение ереси, неповиновение церковным властям, отпад от церкви. Подчеркнем, что в данном случае все население обвинялось в массовых преступлениях, что давало возможность применить именно интердикт. В 1395 году митрополит Киевский Киприян открыто заявил об ответственности жителей Пскова за притеснения церкви. Он угрожал подвергнуть псковичей «массовой анафеме» за самоуправство и самосуды над священниками [16, с. 23].

Он же предложил отлучить от церкви всех («и мал, и велик»), кто вмешивается в дела церкви [16, с. 17]. Чуть позже с угрозой массового отлучения жителей Пскова выступил митрополит Фотий. Поводом для этого стал стремительный рост ересей в городе. В 1427 году Фотий потребовал от горожан прекратить общение со стригольниками под страхом отлучения: еретики должны подвергаться не только «смертным, но и внешним казням», а также заточению [16, с. 63–66].

Однако есть обстоятельства, ставящие под сомнение тождественность анафемы и интердикта. Анафеме предавались за религиозные преступления. В описываемых случаях каждое решение преследовало одновременно и политические, и конфессиональные интересы. Кроме того, Русская православная церковь не использовала понятие «интердикт», воспринимая его как принадлежность к католицизму. В условиях нарастающих тенденций противостояния возможной унии с западной церковью применение западных правовых аналогий воспринималось крайне враждебно.

С позиции церковного права не выдерживает критики и характер исполнения интердикта. Любое церковное наказание преследует цель исправления путем выполнения обязательных покаянных процедур [17, с. 521–522]. Однако при наложении интердикта исправление в том смысле, как его понимала церковь, отсутствовало. В буквальном прочтении посланий мы видим, что от населения ждут не признания собственных прегрешений, а подчинения воле князя.

По отдельным признакам интердикт напоминал и форму репрессии. Карательный характер интердикта проявлялся в том, что он рассматривался под углом борьбы с преступностью: неповиновение властям, отказ платить подати, изгнание представителей княжеской власти – за это полагалось отлучать от церкви [16, с. 63, 98]. Временное отлучение могло применяться за такие уголовные правонарушения, как воровство, блуд, взяточничество [15], а также за грубость и дерзость, «отказ бить челом, вражду и войны друг с другом» [16, с. 142–143].

То есть налицо признаки карательной политики, направленной на укрепление правопорядка в стране.

В то же время карательный и политический элементы вполне соотносились друг с другом [18]. Страх перед наказанием вырабатывал у населения своеобразный инстинкт саморегуляции – внутреннее требование соответствовать сложившимся обычаям, без которых немислимо существование любого общества [19, с. 3]. Интердикт в этом смысле преследовал одновременно и политические, и карательные задачи. Однако полностью рассматривать интердикт как меру карательного характера также нельзя. Он назначался не государственными, а церковными органами.

По сравнению с Западом использование интердикта Русской православной церковью было направлено в основном на укрепление княжеской власти. Практика церковного интердикта в русском государстве была связана с поддержкой конкретной «партии» княжеской власти в борьбе за притязания на великокняжеский престол. Этому способствовала специфика генезиса взаимоотношений Русской православной церкви с государством, которые нуждались в поддержке друг друга. Политика взаимных компромиссов придавала государственно-церковным отношениям устойчивость. На Западе интердикт в большей степени отражал корпоративные интересы церкви.

Показательными в этом отношении являются грамоты митрополита Ионы в поддержку великого князя Василия II (Темного). Они были изданы в период с 1448 по 1453 год и адресованы сторонникам князя Дмитрия Юрьевича (Шемяки), который, используя недовольство населения размерами выкупа за освобождение из плена Василия II, незаконно присвоил великокняжеский престол. Каждое послание митрополита содержало конкретные претензии к чиновникам и горожанам Великого Новгорода. Они обвинялись в неповиновении законной власти, саботаже, неуплате налогов [16, с. 86–87, 98–99, 101–103]. Послания заканчивались

требованием к населению подчиниться великому князю с угрозой отлучения от церкви.

Еще одной особенностью интердикта в русском варианте было то, что он значительно чаще служил демонстрацией силы, чем ее реальным воплощением. Например, в двух посланиях 1452 года, обращенных к жителям Вятки, митрополит Иона советовал покориться великому князю. Под угрозой массового отлучения он требовал от воевод убеждать население прекратить разбои, а от духовенства – «утверждать христианские обязанности в повиновении государю» [16, с. 492]. Позже, в 1486 году, выходит послание митрополита Геронтия, где он пытается убедить население покориться великому князю под страхом церковного отлучения [16, с. 141]. Очевидно, что данная мера была неэффективной, поскольку угрозы ее применения звучали многократно. Реализовать ее было практически невозможно – этому мешала слабость церковной власти, которая не могла контролировать огромные территории.

Таким образом, на протяжении XII–XV веков в русском государстве стал складываться новый вид наказания – церковный интердикт.

Он имел пограничный характер, сочетая в себе черты церковного и государственного права. Его каноническое обоснование было связано с возможностью отлучать от церкви ее противников. Однако в условиях интенсивного формирования государственности церковный интердикт все больше превращался в средство политического давления, обнажая свою карательную направленность. Поскольку в главном интересы церкви и государства совпадали (они стремились к территориальному и духовному единству), Русская православная церковь рассматривала врагов государства как собственных. В дальнейшем (XVI–XIX века) такая прямолинейность была сглажена, но не исчезла совсем.

Несмотря на свидетельства об использовании интердикта, он не носил системного характера. Его применяли в угоду различным политическим обстоятельствам, что в итоге вело к его деградации. Однако в стратегическом плане церковь получила значительный выигрыш: интердикт способствовал укреплению целостности церкви; с централизацией государства происходило усиление роли самой церкви.

Список литературы

1. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 430 с.
2. *Голубинский Е.Е.* История Русской церкви. М.: Унив. тип., 1901. Т. 1. 966 с.
3. *Павлушков А.Р.* Церковный интердикт: историко-правовой дискурс и практика применения // История государства и права. 2019. № 7. С. 48–53.
4. *Крысов А.Г.* Интердикт // Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/468843.html> (дата обращения: 16.08.2019).
5. Кодекс канонического права. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. 624 с.
6. *Гайденок П.И., Фомина Т.Ю.* Пределы канонической власти архиереев в домонгольской Руси: богослужебный аспект // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 9(23), ч. 2. С. 38–44.
7. *Ковалев Н.Д., Аронов Д.В.* Власть-религия-терроризм: вчера-сегодня-завтра // История государства и права. 2011. № 10. С. 43–46.
8. *Krehbiel E.B.* The Interdict: Its History and Its Operation, with Especial Attention to the Time of Pope Innocent III, 1198–1216. Washington, 1909. 184 p. URL: https://openlibrary.org/books/OL7139261M/The_interdict (дата обращения: 01.11.2019).
9. *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII – первой трети XIII века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: История. 2012. № 25. С. 104–114.
10. *Соколов Р.А.* К вопросу о взаимоотношении светской и церковной власти в эпоху Дм. Донского // Вестн. СПбГУ. 2011. Вып. 2. С. 3–6.

ИСТОРИЯ

11. Деяния Вселенских соборов. Казань: Губ. правление, 1859. Т. 1. 912 с.
12. Гайденко П.И. Собор 1273(4) года в церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестн. Рус. христиан. гуманит. акад. 2014. Т. 15, вып. 4. С. 229–236.
13. Петрушко В.И. Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II и его деятельность по возрождению церковной жизни Руси после монгольского нашествия // Вестн. ПСТГУ. Сер. II: История. История Рус. православ. церкви. 2013. Вып. 5(54). С. 7–30.
14. Летописный сборник, именуемый Пагрияршею или Никоновскою летописью // Полн. собр. рус. летописей. Т. 9. XVIII. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. URL: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808/> (дата обращения: 20.08.2019).
15. Максимович К.А. Анафема // Православная энциклопедия. URL: <https://azbyka.ru/anafema> (дата обращения: 16.05.2019).
16. Акты исторические, собранные и изданные археографическою комиссией: в 5 т. Т. 1. 1334–1598. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841. 612 с.
17. Цыпин В. Курс церковного права. Клин: Христиан. жизнь, 2004. 706 с.
18. Павлушков А.П. Практика великого отлучения в истории государственно-церковных отношений России // Клио. 2014. № 3. С. 56–61.
19. Баршев С. Общие начала теории и законодательств о преступлениях и наказаниях. М.: Унив. тип., 1841. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003560216> (дата обращения: 24.08.2019).

References

1. Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii* [A Course on Russian History]. Moscow, 1987. Vol. 1. 430 p
2. Golubinskiy E.E. *Istoriya Russkoy tserkvi* [The History of the Russian Church]. Moscow, 1901. Vol. 1. 966 p.
3. Pavlushkov A.R. Tserkovnyy interdikt: istoriko-pravovoy diskurs i praktika primeneniya [Church Interdict: Historical and Legal Discourse and Practice of Application]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2019, no. 7, pp. 48–53.
4. Krysov A.G. Interdict. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/468843.html> (accessed: 16 August 2019).
5. *Kodeks kanonicheskogo prava* [The Code of Canon Law]. Moscow, 2007. 624 p.
6. Gaydenko P.I., Fomina T.Yu. Predely kanonicheskoy vlasti arkhieerev v domongol'skoy Rusi: bogoslužebnyy aspekt [Limits of Bishops' Canonical Power in Pre-Mongol Rus: Liturgical Aspect]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 9, pt. 2, pp. 38–44.
7. Kovalev N.D., Aronov D.V. Vlast' – religiya – terrorizm: vchera – segodnya – zavtra [Power – Religion – Terrorism: Yesterday – Today – Tomorrow]. *Istoriya gosudarstva i prava*, 2011, no. 10, pp. 43–46.
8. Krehbiel E.B. *The Interdict: Its History and Its Operation, with Especial Attention to the Time of Pope Innocent III, 1198–1216*. Washington, 1909. 184 p. Available at: https://openlibrary.org/books/OL7139261M/The_interdict (accessed: 1 November 2019).
9. Galimov T.R. Russkaya tserkovnaya ierarkhiya v knyazheskikh mezhdousobitsakh serediny XII – pervoy treti XIII veka [Russian Church Hierarchy in Princely Feuds of the Mid-12th – First Third of the 13th Centuries]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudrstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2012, no. 25, pp. 104–114.
10. Sokolov R.A. K voprosu o vzaimootnoshenii svetskoy i tserkovnoy vlasti v epokhu Dm. Donskogo [On the Relations Between Secular and Metropolitan Power During the Epoch of Dmitry Donskoy]. *Vestnik SPbGU*, 2011, no. 2, pp. 3–6.
11. *Deyaniya Vselenskikh soborov* [The Works of Oecumenical Councils]. Kazan, 1859. Vol. 1. 912 p.
12. Gaydenko P.I. Sobor 1273(4) goda v tserkovno-politicheskoy situatsii na Rusi: neskol'ko zamechaniy o nesostoyavsheysya kanonicheskoy reforme mitropolita Kirilla [The 1273(4) Council in the Church-Political Situation in Russia: A Few Remarks on the Cancelled Canonical Reform of Metropolitan Cyril]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*, 2014, vol. 15, no. 4, pp. 229–236.
13. Petrushko V.I. Mitropolit Kievskiy i vseya Rusi Kirill II i ego deyatel'nost' po vozrozhdeniyu tserkovnoy zhizni Rusi posle mongol'skogo nashestviya [The Metropolitan of Kiev and All Russia Cyril II: His Activities for the Revival of Church Life in Russia After the Mongolian Invasion]. *Vestnik PSTU. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi*, 2013, no. 5, pp. 7–30.

14. Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [A Compilation of Chronicles Called the Patriarch's or Nikon Chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Russian Chronicles]. Vol. 9. XVIII. St. Petersburg, 1862. Available at: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808/> (accessed: 20 August 2019).

15. Maksimovich K.A. Anathema. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopaedia]. Available at: <https://azbyka.ru/anafema> (accessed: 16 May 2019).

16. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkhograficheskoyu komissiey* [Historical Documents Compiled and Published by the Archaeographic Commission]. Vol. 1. 1334–1598. St. Petersburg, 1841. 612 p.

17. Tsyplin V. *Kurs tserkovnogo prava* [A Course on Ecclesiastical Law]. Klin, 2004. 706 p.

18. Pavlushkov A.R. Praktika velikogo otlucheniya v istorii gosudarstvenno-tserkovnykh otnosheniy Rossii [The Practice of Major Excommunication in the History of State–Church Relations in Russia]. *Klio*, 2014, no. 3, pp. 56–61.

19. Barshev S. *Obshchie nachala teorii i zakonodatel'stv o prestupleniyakh i nakazaniyakh* [General Principles of the Theory of and Legislation on Crimes and Punishments]. Moscow, 1841. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003560216> (accessed: 24 August 2019).

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.34

Aleksandr R. Pavlushkov

Vologda Law and Economics Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (VILE of the FPS of Russia);
ul. Shchetinina 2a, Vologda, 160002, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5459> e-mail: apavlushkov@yandex.ru

CHURCH INTERDICT IN THE POLITICAL REALITY OF THE RUSSIAN STATE (12th – 15th Centuries)

This article is an expansion of the scientific research into various aspects of church interdict. Previously, the author considered the genesis of this institution in the history of the Catholic Church, while this work is based on the material of Russian Orthodox practices of ecclesiastical punishment. The subject of the study is the attempt to introduce interdict into the punishment practice during the period of gathering of the Russian lands and centralized state formation, when whole populations of large territories were subjected to excommunication. The interest in this issue was fuelled by the atypical nature of such mass punishments. The analysis of the revealed facts shows that, for a number of reasons, the institutional features of Russian church interdict failed to develop. It was used both as a form of ecclesiastical punishment and as a means of political pressure, as well as for punitive purposes. Hence, church interdict is hard to assess due to the intersection of punitive, political and ecclesiastical elements. The article attempts to correlate these elements and describe the church interdict at different stages of the development of the Russian state, as well as to explain the reasons behind its use. The author comes to the conclusion that church interdict in many cases represented a distorted version of the understanding of canonical norms by bishops, which ultimately predetermined its further degradation. Moreover, the paper explains the internal contradiction in the interpretation of *interdict* and substantiates the notion's Greek origin. Thus, interdict is considered here as a social, legal and political instrument that performed various tasks for the Church and the princes.

Keywords: church interdict, Russian Orthodox Church, ecclesiastical punishment, state–church relations, Russian statehood formation.

Поступила: 11.05.2019

Принята: 25.09.2019

Received: 11 May 2019

Accepted: 25 September 2019

For citation: Pavlushkov A.R. Church Interdict in the Political Reality of the Russian State (12th – 15th Centuries). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 6, pp. 34–41. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.6.34